

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.111(73):42+811.111(73):38+81:27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Антон Александрович Долгов

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, toni-dolgov@mail.ru

Концептуальное отражение России в публикациях американских «мозговых центров» (опыт когнитивно-матричного анализа)

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты рассмотрения последних публикаций американских центров независимой политической экспертизы с тем, чтобы определить характер репрезентации Российской Федерации в данных текстах. Пул анализируемых текстов был сформирован случайным образом, при этом использовались поисковые инструменты сайтов *think tanks*: поиск публикаций по слову (запрос «Russia»); сортировка по периоду публикации и типу публикации (если такой фильтр был на сайте, спектр публикаций ограничивался типами «articles», «researches»). Всего для анализа было отобрано 20 публикаций, в число которых вошли крупные аналитические отчеты и статьи среднего объема, представляющие экспертное мнение на доступном для широкого круга читателей языке вплоть до заимствования черт публицистического стиля. На начальном этапе дается описание социально-политических факторов, обуславливающих актуальность работы. Также предлагается определение понятия *think tanks*, делается вывод о значении мозговых центров в контексте национальной политики США. На втором этапе описывается порядок когнитивно-матричного анализа. Приводятся результаты применения данной аналитической стратегии для выявления специфики образа России в публикациях *think tanks*. С учетом цели исследования в качестве стержня аналитической стратегии была выбрана частная когнитивная матрица. В результате исследования сделан вывод о систематической репрезентации России в негативном ключе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, когнитивная лингвистика, когнитивистика, мозговые центры, образ России, аналитические статьи, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Долгов Антон Александрович, магистр, специалист по работе с молодежью, специалист по УМР института филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 282; email: toni-dolgov@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Долгов, А. А. Концептуальное отражение России в публикациях американских «мозговых центров» (опыт когнитивно-матричного анализа) / А. А. Долгов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 34-45.

Anton A. Dolgov

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, toni-dolgov@mail.ru

Conceptual Reflection of Russia in the Publications of American “Think Tanks” (An Experience of Cognitive Frame Analysis)

ABSTRACT. The article presents the results of reviewing the latest publications of the American centers of independent political expertise in order to determine the nature of the representation of the Russian Federation in these texts. The pool of texts under analysis was formed randomly, using the search tools of think tank sites: search for publications by word (query “Russia”); sorting by publication period and publication type (if such a filter was on the site, the range of publications was limited to the types “articles”, “researches”). In total, 20 publications were selected for analysis, which included large analytical reports and medium-sized articles presenting expert opinions in a language accessible to a wide range of readers, up to borrowing features of a journalistic style. At the initial stage, a description of the socio-political factors that determine the urgency of the work is given. A definition of the concept of think tank is also suggested, and a conclusion is drawn about the importance of think tanks in the context of US national policy. The second stage describes the order of cognitive matrix analysis. The results of the application of this analytical strategy to identify the specific features of the image of Russia in the publications of think tanks are presented. Taking into account the purpose of the study, a particular cognitive matrix was chosen as the core of the analytical strategy. As a result of the study, a conclusion is made about the systematic representation of Russia in a negative way.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, cognitive linguistics, cognitive studies, think tanks, image of Russia, analytical articles, Internet, Internet space, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means.

AUTHOR'S INFORMATION: Dolgov Anton Aleksandrovich, Master's Degree Student, Education Specialist of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Dolgov A. A. (2024). Conceptual Reflection of Russia in the Publications of American “Think Tanks” (An Experience of Cognitive Frame Analysis). In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 34-45. (In Russ.).

Данная работа посвящена специфике изображения образа России в публикациях американских *think tanks*¹. *Think tanks* — исследовательские организации особого типа, главным назначением которых является осуществление независимой экспертизы для аналитического сопровождения, в первую очередь, политической деятельности.

Наш интерес к *think tanks* США в контексте представления образа России обусловлен усилившимся вниманием к РФ в медиа и политическом дискурсах с момента эскалации конфликта на Украине в феврале 2022 года. Притом в нарративах западных источников общественного мнения преобладает негативная оценка действий российского государства. Основой для критики является инициированная руководством Российской Федерации специальная военная операция. Ведущими американскими медиа и политическими лидерами СВО определяется как акт преступной агрессии. Одним из первых среди наиболее влиятельных фигур США выступил Д. Байден: «*Российские военные начали жестокое наступление на народ Украины без повода, без обоснования, без необходимости. Это преднамеренное нападение. Владимир Путин планировал это в течение нескольких месяцев — как я, как мы все это время говорили. Он перебросил более 175 000 военнослужащих и военную технику на позиции вдоль украинской границы*»² [Remarks by President Biden... www].

В последующие два года происходило расширение предметного спектра критики РФ. Так, частотны комментарии относительно крайней недемократичности российской власти: имеет место изображение политического режима как авторитарного, практически единовластно контролируемого В. В. Путиным³.

Развитие также получил тренд на негативизацию имиджа России как международного актора. России приписывается агрессивная внешняя политика: стремление подчинить собственному влиянию другие страны, готовность к применению ядерного оружия без учета глобальных рисков и т. д.

По мнению автора исследования, характер негативизации имиджа России может быть обобщен понятием «милитаристское государство», использованным для описа-

ния РФ журналисткой Ю. Латыниной в статье «*Russia Isn't a Military State. It's a Delusional One*» [Latinyna Y. www]. Милитаризм, как фундамент государственного режима, подразумевает недемократическую власть, доминирование военизированных институтов в общественной жизни, экспансионизм в международных отношениях и ряд иных элементов [Bledsoe E. www]. В рамках текущего исследования категория «милитаристское государство» была использовано нами как концептуальный ориентир для анализа репрезентации образа России в американской публичной повестке. *Think tanks*, подобно СМИ, в большом количестве публикуют материалы, посвященные российско-украинскому конфликту. В связи с влиянием американских *think tanks* на национальную повестку, характер репрезентации России в их текстах важен для понимания текущих отношений между двумя государствами.

Термин *think tank*, равно как обозначаемый им особый тип исследовательского сообщества, относится, согласно ряду источников, к первой половине — середине XX века. В энциклопедии *Britannica* указано, что изначально понятие возникло в период Второй мировой войны как жаргонизм американского военного командования [Think Tank // Britannica www]. Такое же предположение выражает исследователь Д. Стоун, поясняя, что данным жаргонизмом назывались укромные помещения для обсуждения тактических вопросов [Stone 2013: 9].

Иное обозначение и широкую популярность выражение приобрело после войны, с ростом значимости центров, представители которых давали экспертную оценку, способствующую принятию тех или иных политических решений. К примеру, словосочетание *think tank* стало определением американской организации «*RAND Corporation*» (1948), чьи результаты аналитической работы были востребованы правительством США в ходе лунной гонки, ядерного противостояния с СССР, вьетнамского конфликта [Medvetz: 26]. Именно с «*RAND*» некоторые исследователи связывают сращение понятия *think tank* с центрами политической аналитики.

Дж. Макганн видит в *think tanks* учреждения, которые проводят исследования, ана-

¹ Далее для номинации *think tanks* могут быть задействованы термины, которыми другие исследователи зачастую также обозначают учреждения данного типа (*фабрики мысли, мозговые центры, аналитические центры*).

² Здесь и далее англоязычные цитаты даны в переводе автора статьи.

³ Примеры изображения российского режима авторитарным можно найти в материалах изданий *The Guardian* [Jenkins S. www] и *Slate* [Judah B. www].

лиз и консультации по внутренним и международным вопросам, что позволяет политикам и общественности принимать обоснованные решения. Такие заведения, по мнению Макганна, часто выступают в качестве связующего звена между академическим сообществом и политиками, предлагая результаты независимых прикладных и фундаментальных исследований на доступном языке [McGann 2016].

В более поздних исследованиях получает развитие проблема диффузии понятия *think tank*. Т. Медвец считает, что современный *мозговой центр* как область интеллектуальной деятельности находится в центре сопряжения множества других отраслей: экономики, политики, медиа, академической сферы [Medvetz 2008: 1–5]. Влияние организаций, представляющих смежные сферы, не может не отражаться на столь значимой для классического западного варианта интерпретации составляющей — независимости. *Мозговой центр* финансируется определенной стороной, выполняет заказ определенной стороны, реализует исследовательскую и публикационную деятельность в чужой сфере. Как следствие, меняется суть *think tank*: из нейтрального аналитического института он может перейти в разряд механизма частного лоббирования, политической пропаганды и т. д. По мнению Медвеца, говоря о *think tanks*, мы имеем дело с многогранным явлением, гибридность которого парадоксально можно трактовать и как недостаток, и как преимущество.

Вместе с тем, учитывая межинституциональное положение *think tanks*, ряд экспертов говорят о присущем *фабрикам мысли* широком спектре механизмов продвижения собственных интересов и оказания влияния через взаимодействие со смежными структурами. Так, Э. Мендисабаль отмечает, что близость центра к идеологически ориентированной работе может открыть доступ к таким предпочтениям, как стабильное финансирование и полезные связи с правительственными институтами. Контакты с правительством делают *фабрики мысли* привлекательными для партнеров из академической сферы, бизнеса и медиа. При таком раскладе *think tank* занимает позицию центрального связующего элемента в системе ветвей власти и получает широчайший инструментарий для решения собственных задач. На этом

основании некоторые современные специалисты определяют *мозговые центры* как «пятую власть»¹.

Р. С. Выходец и М. С. Тарасова выделяют набор актуальных механизмов политического воздействия *think tanks* [Выходец, Тарасова 2018]. К прямым механизмам относятся: выступления экспертов центров на слушаниях в Сенате и политических комиссиях, направления официальных отчетов чиновниками, неформальные контакты с политиками; участие в разработке доктрин, занятие специалистами центров политических должностей. К косвенным механизмам эксперты относят деятельность, направленную на вовлечение общественности: публикации и выступления в СМИ, просветительская работа, интернет-продвижение.

Речевая деятельность *think tanks* может воплощаться в различных видах коммуникации, что стоит учитывать в ходе рассмотрения текстов *мозговых центров*. А. П. Чудиновым выделяются несколько разновидностей политической коммуникации [Чудинов 2006: 37]:

1. Аппаратная коммуникация, осуществляемая внутри государственных или общественных организаций;

2. Публичная политическая коммуникация, адресатом которой является широкая общественность;

3. Медийная политическая коммуникация, реализуемая в соответствующих формах при помощи средств массовой информации;

4. Непрофессиональная коммуникация, субъектом которой преимущественно выступают рядовые граждане.

Аналитическая записка, подготовленная экспертами по запросу госоргана, соотносится с аппаратной коммуникацией. Выступление специалиста *think tank* в телепередаче в качестве приглашенного аналитика — пример медийной коммуникации. Как следствие, набор средств, благодаря которым в нарративе *фабрик мысли* формируется образ государства, может быть неоднородным.

Образ государства, репрезентируемый в тексте, по сути своей есть совокупность концептов, содержащих авторскую интерпретацию различных характеристик страны. Таким образом, дальнейшая часть нашего исследования осуществлена с опорой на аналитический инструментарий когнитивистики.

Предложенный когнитивистом Н. Н. Болдыревым метод когнитивно-матричного ана-

¹ Термин «пятая власть» (fifth estate) не является общепринятым научным понятием. Тем не менее, он достаточно часто встречается в работах западных исследователей, где употребляется для названия института *think tanks*. «Пятая власть» является своего рода продолжением неформальной градации, в рамках которой, например, журналистика признается «четвертой властью». Можно предположить, что популяризатором сочетания «fifth estate», обозначающего *мозговые центры*, стал исследователь Дж. Макганн [McGann 2016].

лиза позволяет рассмотреть в связке концептуальные единицы, выраженные в различных языковых формах. В основе метода лежит построение концептуальной модели исследуемой части действительности — когнитивной матрицы.

Н. Н. Болдырев отмечает, что имеют место два структурных типа такого рода модели: общая и частная. Общая матрица позволяет реконструировать ту или иную концептуальную область, представив ее компоненты (аспекты связанных с этой областью понятий и их конкретное содержание). Как пример, АРМИЯ, как концептуальное поле, может быть разложено на компоненты: СОЛДАТЫ, ВООРУЖЕНИЕ, КОМАНДОВАНИЕ и т. д.

Особенность частной когнитивной матрицы заключается в построении по принципу: «ядро — периферия». Ядро матрицы — объект мысли. На многокомпонентной периферии располагаются аспекты осмысления ядра в различных когнитивных контекстах. «Когнитивно-матричный анализ в этом случае направлен на выявление концептуальных характеристик ядра, когнитивных контекстов (компонентов матрицы) как областей осмысления этих характеристик и анализ их взаимосвязей» [Болдырев 2014: 64].

Алгоритм когнитивно-матричного анализа, описанный Н. Н. Болдыревым, предполагает следующие этапы:

- 1) Выявление интегративного концепта;
- 2) Построение на основе выявленного концепта когнитивной матрицы;
- 3) Описание компонентов модели, образующих систему когнитивных контекстов или концептуальных областей, а также задействованных для их воплощения языковых средств;
- 4) Определение характеристик объекта, интерпретируемых в конкретных контекстах;
- 5) Исследование взаимосвязей объекта и этих контекстов;
- 6) Описание когнитивных механизмов, которые обуславливают формирование соответствующих языковых значений;
- 7) Изучение языковых механизмов и языковых средств, используемых для выражения этих значений.

Данный алгоритм стал опорой для проведения нами анализа образа России в текстах американских *think tanks*.

Исходя из цели исследования, мы изобразили частную когнитивную матрицу в каче-

стве стрелы нашей аналитической стратегии. В ядро матрицы было заложено понятие «милитаристское государство», которое было упомянуто нами ранее. Концептуальные компоненты ядра МИЛИТАРИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО были выделены благодаря толкованию понятия «милитаризм» в словарях и энциклопедических источниках¹. Обобщив рассмотренные толкования, мы определили основные черты милитаристского государства и включили их в нашу матрицу на позицию периферии. Так, концептуальными компонентами ядра стали:

- **АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ**

Подразумевается наличие недемократического правительства. Власть сконцентрирована в руках одного лидера либо малой группы лиц. Государственный курс обуславливается исключительно личными мотивами и установками властьдержателей. Народ не имеет политической воли, как и ресурсов для ее реализации. Оппозиция слабо выражена либо отсутствует.

- **ЭКСПАНСИОНИЗМ**

Страна проявляет интенции к захватническим действиям: от агрессивной риторики по отношению к международным партнерам до проведения военных кампаний.

- **ВОЕННАЯ МОЩЬ**

Военный потенциал имеет практически первостепенное значение для государства. Наличие богатого арсенала, уникального оружия либо сильной армии придает государству уверенности для смелой, порой грубой, внешней политики.

- **ЭКОНОМИКА**

Экономика милитаристского государства рассматривается в контексте его конфронтационных интенций. С одной стороны, контексты данного компонента могут быть посвящены ориентации экономических и производственных мощностей на наращивание боевого потенциала. С другой, экономика представляется как пространство противостояния государства-агрессора и других акторов.

- **ИДЕОЛОГИЯ**

Концептуальный компонент охватывает идеи, навязываемые режимом населению для включения последнего в орбиту экспансионистской политики. Общественность убеждается в том, что их государство борется за выживание со смертоносным врагом, реализует свое особое величественное назначение, стремится восстановить историческую справедливость и т. д.

¹ Компоненты концептуальной модели были определены благодаря статьям словарей «Britannica» [Britannica Dictionary definition of MILITARISM www] и «The American Heritage Dictionary of the English Language» [Militarism // The American Heritage Dictionary], а также «Большой российской энциклопедии» [Милитаризм // Большая российская энциклопедия].

Через оптику полученной матрицы были рассмотрены тексты американских *think tanks*, опубликованные в открытом доступе на веб-сайтах организаций в период с февраля 2022 г. по декабрь 2023 г. В выборку попали материалы «RAND Corporation», «The Heritage Foundation», «Carnegie Endowment for International Peace», «Council for Foreign Affairs», «Brookings University». Пул анализируемых текстов был сформирован случайным образом, притом использовались следующие поисковые инструменты сайтов *think tanks*: поиск публикаций по слову (были представлены материалы по запросу «Russia»); сортировка по периоду публикации и типу публикации (если такой фильтр был на сайте, спектр публикаций ограничивался типами «articles», «researches»). Всего для анализа было отобрано 20 публикаций, в число которых вошли крупные аналитические отчеты и статьи среднего объема, представляющие экспертное мнение на доступном для широкого круга читателей языке вплоть до заимствования черт публицистического стиля.

Методом сплошной выборки из отобранных текстов были выделены контексты, содержательно коррелирующие с компонентами нашей матрицы. Контекст — фрагмент, в котором обнаружена необходимая для анализа единица. При этом содержание контекста должно быть достаточным для понимания значения единицы в конкретном случае.

Разнообразие публикационной деятельности *think tanks* определило аналитическую стратегию нашего исследования, в том числе неоднородный характер искомым единиц. В число анализируемых единиц вошли такие механизмы создания образа России, как стилистически окрашенная лексика, тропы, фразеологические единицы, стилистически нейтральные единицы разного объема, которые концептуально соотносятся с компонентами матрицы.

Особое внимание при выявлении и анализе единиц было уделено метафорам. В политической и когнитивной лингвистике метафора рассматривается не просто как троп, но как способ постижения и категоризации действительности. В процессе политической коммуникации метафора расширяет содержательный объем сообщения и является средством преобразования установок адресата [Чудинов 2006: 21].

Далее представлены результаты рассмотрения посвященных России текстов американских *think tanks* за период 2022–2023 гг. На основе используемой когнитивной модели из текстов были выделены фрагменты, содержание которых соответствует

тому или иному компоненту нашей модели. Каждый фрагмент получил комментарий, поясняющий его концептуальную отнесенность к определенному компоненту модели.

КОМПОНЕНТ «АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ»

В рассмотренных нами публикациях *мозговых центров* российская власть преподносится преимущественно как авторитарный режим. Верховному лидеру приписывается абсолютная полнота власти и ответственность за международную агрессию России. Притом решения президента зачастую изображаются иррациональными. Государственные цели приравниваются к личным прихотям политика.

Приближенные президента обладают минимальной долей власти, но их субъектность нивелируется под авторитетом лидера. Народ изображается абсолютно безвластным. Утверждается, что некоторая оппозиционность просматривалась на протестных акциях против конфликта на Украине, но такие движения теперь не проявлены. Власть, как отмечается в ряде публикаций, без сочувствия готова принести народ в жертву.

Также нами был зафиксирован подход к изображению авторитаризма в России через сопоставление с демократическим режимом в США.

Vladimir Putin's dreams of Ukraine re-incorporated into Russia, of breaking up NATO, and of Russia leading a global anti-Western alliance are collapsing about him [The U.S. and Its Allies... www].

Ядром фрагмента является яркая антропоморфная метафора «dreams». Основания внешней политики России представляются как мечты ее президента, не рациональное государственное управление.

Unlike the West, the Russian state does not distinguish clearly between the state and today's regime [The U.S. and Its Allies... www].

Через противопоставление подчеркивается инаковость российского режима относительно западных стран. Корневое различие заключается в пропорциональном несоответствии категорий государства и режима: Россия воспринимается исключительно через оптику режима, что позволяет сделать вывод о ее недемократичности.

Putin's dream of Russia as an anti-Western, quasi-Soviet, illiberal state is facing humiliation and defeat. In Putin's mind, this crisis may have become existential—which, under Russian doctrine, would justify the use of any and all weapons [The U.S. and Its Allies... www].

Антропоморфные метафоры «мечты Путина» и «сознание Путина» помогают автору

свести государственный курс к нерациональному мышлению президента. При этом России присваиваются такие характеристики, как враждебность по отношению к Западу, сходство с СССР как с тоталитарным режимом, нелиберальность. С учетом перечисленных атрибутов, автором делается вывод о возможном применении Россией оружия массового уничтожения в случае ее неудач в текущем противостоянии, которое кажется Путину конфликтом за существование его государства.

The tiny Russian security elite may be working itself into a state of near hysteria about the existence of a rival value system—Western democracy and Kyiv’s attempt to adopt it—seeing it as a threat to the future of Russia [The U.S. and Its Allies... www].

Эпитет «tiny», с одной стороны, помогает представить круг принимающих решения лиц как крайне малочисленную группу. С другой, добавляет образу военной элиты элемент незначительности. Эта незначительность, по мнению автора, проявляется в истерии военной элиты, которая может возникнуть в случае угрозы их системе ценностей. О тоталитарном характере этих ценностей говорится через оппозицию: «ценности российского режима — западная демократия».

Putin has, for example given his approval to the Russian political philosopher Ivan Ilyin, an emigré from the Soviet Union whose philosophy has been described as “Russian, Christian fascism” [The U.S. and Its Allies... www].

Воззрения президента на роль государства во внешней политике характеризуются путем упоминания идеологических авторитетов первого лица. Автором подчеркивается интерес президента к философии Ивана Ильина. Следом приводится распространенное мнение об идеях Ильина как о специфичном направлении фашизма.

Either a victorious Putin or a beleaguered Putin is still a dangerous Putin. If he succeeds in Ukraine, his appetite for adventure may grow [The U.S. and Its Allies... www].

Фрагменту свойственен возвышенный тон. Противопоставление эпитетов «victorious» и «beleaguered» подразумевает неопределенность будущего России в рамках конфликта на Украине. При этом взаимоисключающие сценарии сводятся к общему заключению — в любом случае Россия останется международной угрозой.

Образ России передается путем персонализации «государство = Путин». Примечательно также употребление в данном контексте неопределенного артикля «a» с фамилией «Putin». Таким способом сообщает-

ся, что Путин — не личность, а нечто иное (режим).

Экспансионистская сущность государства передается синтаксемой *appetite for adventure*, которая укрепляет единоличность российской власти и ее иррациональную суть.

But we must not forget that Putin does not care about the well-being of his population, or of those who serve in his military. The so-called oligarchs have little sway. The early street protests in Moscow and St. Petersburg, which seemed so inspiring on social media in the first days after the invasion, represented a tiny percentage of a decimal point of the overall Russian population. Given these realities, Putin can still hope to maintain escalation dominance. The conflict ends when he decides to end it, when he has had enough—or is gone [It Should Not Have Been a Surprise... www].

Во фрагменте российский режим (через образ первого лица) изображен как безучастный по отношению к собственному народу и армии. Несущественное влияние имеет небольшая олигархическая прослойка. Малая часть россиян в начале эскалации российско-украинского конфликта безуспешно пыталась выразить свое несогласие с политикой государства, однако протестное движение быстро затухло. Таким образом, решения, связанные с конфликтом, единолично принимает президент России. Автор фрагмента патетически описывает варианты завершения противостояния: лидер либо «насытится», либо его не станет. Этим подчеркивается хищничество и неисправимость российского режима.

Likewise, Western governments would be wise to put off talk of war crimes tribunals for senior Russian officials and stop boasting about helping Ukraine target senior Russian generals and ships [It Should Not Have Been a Surprise... www].

Из фрагмента можно сделать вывод, что деятельность российского военного командования воспринимается западными лидерами как преступление. Автор фрагмента не оспаривает это мнение, а лишь советует ограничить такую риторику для формирования диалога с Россией.

It may well be that constructive relations with Russia do not emerge until well into a post-Putin era [Is Diplomacy Between Russia and the West Still Possible? www].

Неологизм, в структуру которого вошли фамилия «Putin» и префикс со значением «после», служит в данном контексте для описания двух эпох. В текущей действительности парадигма отношений Запада с Рос-

сией определяется фактором президентства Путина, из-за чего конструктивного диалога быть не может. В будущем шанс на улучшение этой ситуации есть, но только после смены действующего лидера.

КОМПОНЕНТ «ЭКСПАНСИОНИЗМ»

Экспансионизм приписывается России как давняя черта, обусловленная режимом. Лидеры режима стремятся воплотить концепцию великой страны: подчинить своему влиянию соседние страны; ослабить позиции крупнейших мировых держав. Отмечается, что нынешняя ситуация на Украине является актом экспансии, причем не первым в истории современной России. Неоднократно подчеркивается угроза, которую представляет Россия для стран Запада.

Evidence from both the Syrian war and the Ukraine conflict also shows that the Russian regime has a much higher tolerance threshold than the West for military and civilian casualties [The U.S. and Its Allies... www].

Автор фрагмента описывает российский режим как готовый пойти на военные и гражданские жертвы для достижения своих целей. Для аргументации автор упоминает действия России в Сирии и Украине. Для усиления аргументации российский образ мышления противопоставляется западному.

Moreover, Putin's concept of "greater Russia," with Ukraine and Belarus in Russia's sphere of influence, is indeed under mortal attack: Ukrainians collectively want to be free of Russian control [The U.S. and Its Allies... www].

В данном контексте верховному лидеру приписывается авторство концепта «Великой России», подразумевающей присутствие Украины и Беларуси в орбите российского влияния. Путинский концепт распадается из-за стремления украинцев дистанцироваться от этой орбиты. Заметна концептуальная связь этого фрагмента с компонентом «Авторитарный режим».

A Russia that emerges from the Ukraine war capable of further territorial aggression could threaten NATO (triggering U.S. Article V commitments), non-NATO countries, and international trade routes [The U.S. and Its Allies... www].

Создается образ России как государства, которое, с большой вероятностью, после выхода из конфликта с Украиной продолжит проявлять агрессию против других международных акторов. Экспансионизм подразумевается в качестве «хронического» свойства России.

Russia, which is still considered a "profoundly dangerous" threat to U.S. national security, is being materially diminished. According to leaked U.S. intelligence reports,

Russia is estimated to have suffered 189,500—223,000 total casualties, including 35,500—43,000 killed [How Think Tanks Became Engines of Royal Propaganda www].

Заметна концептуальная близость с компонентом «Авторитарный режим». По мнению автора фрагмента, несмотря на внушительные потери живой силы, экспансионизм России остается проблемой.

There is a clear strategic advantage for the United States in the defeat of Vladimir Putin's barbaric war on Ukraine, both in terms of preventing future Russian aggression in Europe and deterring Chinese expansionism by demonstrating Western resolve and lethality [How Think Tanks Became Engines of Royal Propaganda www].

Эпитет «barbaric» определяет действия российского режима как несвойственное цивилизованному миру агрессию. Пересечение с компонентом «Авторитарный режим» проходит по линии отождествления режима с верховным лидером.

Despite occasional, and tactical, cooperation with the West, such as immediately after 9/11, Putin has racked up a long list of global aggressions: Invading Georgia. Invading Ukraine—twice [It Should Not Have Been a Surprise www].

Согласно данному фрагменту, кооперация с Путиным (российским режимом, компонент «Авторитарный режим») была возможна лишь в редких, исключительных случаях, наподобие терактов 11 сентября. В остальном режим показывает на международном уровне устойчивую агрессию, пиковыми точками которой в прошлом были вторжения в Грузию и Украину.

Next door to Georgia, in Armenia, in summer 2020, President Nikol Pashinyan—another leader out of favor with Moscow—saw his domestic position and foreign policy autonomy crushed by war with Azerbaijan. Elsewhere, in 2020-2021, Belarussian strongman Aleksandr Lukashenko, who infuriated Moscow with his frequent political overtures to Brussels and Washington at Russia's expense, was forced back into the fold frightened by the wrath of his own disgruntled population [Russia's assault on Ukraine... www].

По мнению эксперта Института Брукинса, экспансионизм России может проявляться не только в форме военного столкновения. Российский режим имеет средства для осуществления более изобретательного воздействия — организация прокси- и гражданских конфликтов. Автор видит связь между ситуациями, когда Россия рисковала потерять влияние над странами СНГ, и последующими кризисами.

КОМПОНЕНТ «ВОЕННАЯ МОЩЬ»

О военном потенциале России говорится как о ресурсе для осуществления международной агрессии. Наибольшее внимание уделяется оружию массового поражения, упоминание которого регулярно имеет место в риторике российских политиков. Экспертам *think tanks* свойственно мнение, что на данный момент российский режим лишь «бряцает оружием», чтобы деморализовать соперников. Тем не менее, эксперты считают, что угрозы могут быть реализованы в случае, если ситуация на Украине в военном плане перестанет быть успешной для РФ.

The U.S. and Its Allies Must Understand and Respond to Russia's Nuclear Threats [How the United States Can Support... www].

Заголовок характеризует Россию как страну, проводящую агрессивную риторику с опорой на оружие массового уничтожения.

Disaster for Russia's imploding armed forces may well await, and, eventually, Ukraine's armed forces will likely threaten to break Russia's land corridor linking Crimea to the Donbas. At that point, Putin will make one of the most fateful decisions of the century: to use nuclear or chemical weapons or not [The U.S. and Its Allies... www].

Центром фрагмента является заявление о возможности использования Россией ядерного или химического оружия в конфликте с Украиной. Для обоснования позиции автор описывает вероятный, по его мнению, сценарий, при котором армия РФ оказывается слабее армии противника и прибегает к оружию массового уничтожения. Стилистически окрашенное «one of the most fateful decisions of the century» усиливает образ России как государства, готового распорядиться судьбой мира в случае своего поражения. Также наблюдается пересечение с компонентом «Авторитарный режим». Важнейшее решение принимается единолично президентом.

Russian military doctrine, combined with Russian practice, statements from the nation's political leaders, and informed Western commentary, can shed light on the seriousness of the threat of Russian use of nuclear, biological, or chemical weapons [How the United States Can Support... www].

Автором отмечается, что о серьезности угроз России относительно применения средств массового уничтожения, можно судить по военной доктрине России, риторике политиков, а также ее предыдущим действиям.

For the Kremlin, nuclear weapons arguably provide a kind of comfort blanket [How the United States Can Support... www].

Через артефактную метафору подчеркивается зависимость России от ядерного оружия.

Forecasting in Russian military affairs today assumes that the armed forces are part of a larger state system that consists of interrelated political, economic, historical, cultural, technological, and military elements, and functions in certain geopolitical conditions [Russian Military Forecasting and Analysis... www].

В данном фрагменте исследования «RAND» описывается принцип стратегического прогнозирования, свойственный российскому военному командованию. Суть принципа в восприятии вооруженных сил в связке с культурой, экономикой, политикой, историей, технологическим развитием. Подразумевается, что военный компонент пронизывает все социальные сферы России и они могут действовать в связке в зависимости от обстоятельств.

Nuclear weapons and threats figured among topics discussed during Russian President Vladimir Putin's annual meeting with the Valdai Discussion Club on October 5. Since Russia's all-out assault on Ukraine in 2022, Putin and others have rattled the nuclear saber — sometimes subtly, sometimes loudly — in a bid to dissuade Kyiv from resisting and the West from supporting that resistance [Russian military further polarizes... www].

Фрагмент концептуально близок компонентам «Авторитарный режим», «Экспансионизм». Метафорическое содержание устойчивого сочетания «saber rattling» расширено прилагательным «Nuclear». Деятельность российского экспертного сообщества на одной из самых авторитетных дискуссионных площадок государства заключалась в угрозах Западу и Украине ядерным оружием. Ориентиром для участников площадки в их агрессивной риторике выступал верховный лидер страны.

КОМПОНЕНТ «ЭКОНОМИКА»

В отобранных нами публикациях экономика РФ преимущественно рассматривается в контексте санкций. Экономическая политика РФ признается эффективной в связи с ее устойчивостью под санкционным давлением. Эксперты отмечают необходимость санкций, накладываемых на различные сферы российской экономики, ведь доходы России дают ей ресурс для военной агрессии.

Moscow has effectively moved over the past decade of Putin's rule to shore up the Russian economy against Western sanctions, including through paying off state debts and making strategic direct investments in companies across Europe in critical infrastructure, energy, and metallurgy [Russian military further polarizes... www].

Автор фрагмента, судя по всему, объясняет причины, по которым экономика РФ устояла под санкциями. Внешнеэкономический курс России последнего десятилетия преподносится как подготовка к острому противостоянию. Политика России, заключающаяся, например, в воздержанности от инвестиций в европейские компании и в погашении госдолга, признается эффективной.

Russia's economic interests and maximize Moscow's options and leverage. He has instructed Russian oligarchs in his innermost circle to "de-offshore" or repatriate their key operations and assets, and diversified Russia's trade relations away from Europe and the U.S. But he has also assiduously courted international corporations to give them a direct stake in the Russian economy. Putin continues to try to deepen ties with the private sectors of key European countries even at the height of this crisis to off-set any retaliatory economic actions the West might take [Russian mutiny further polarizes... www].

Детализированное описание защитных экономических мер. Для нивелирования урона западных санкций Президент России в разгар кризиса продолжает предпринимать различные меры: налаживание связей с частным сектором Европы, уход от ориентации на Запад в торговых делах и т. д. Одним из механизмов реализации внешнеэкономической политики называется подчиняющаяся президенту олигархия. Заметна связь с компонентом «Авторитарный режим», что проявляется в моделях *he has instructed, he has also assiduously courted*, создающих впечатление о единоличном влиянии президента на политику.

For Putin, trade and investment are means of securing political leverage, along with offering lucrative positions on Russian corporate boards to former high-ranking Western politicians and grandees [Russian mutiny further polarizes... www].

Экономическая сфера России определяется как сфера интереса Путина: пространство воплощения его политических экспансионистских амбиций.

Russian President Vladimir Putin, for his part, needs to achieve an outcome that justifies his costly invasion lest he appear weak and be challenged at home [Is Diplomacy Between Russia and the West Still Possible? www].

Автор фрагмента определяет СВО как дорогостоящий проект лидера России. В том случае, если данный проект окажется неприбыльным, внутриполитический авторитет Владимира Путина ослабнет.

But, until Russia's behavior changes, sanctions should not just remain in place but

be extended to cover energy imports that are funding the Russian war effort [Is Diplomacy Between Russia and the West Still Possible? www].

Санкционное давление на Россию является реакцией на ее международную агрессию. До тех пор, пока Россия не откажется от экспансионистского курса, по мнению автора фрагмента, санкции остаются необходимостью. Главной целью санкций должен стать импорт энергоресурсов как основной источник средств для «российской войны».

КОМПОНЕНТ «ИДЕОЛОГИЯ»

Авторами американских *think tanks* указывается, что российской властью продвигается особая идеология, настраивающая массы на воинственное отношение к Западу. В ядре этой системы — идея об угрозе существованию нации со стороны западных стран. Как следствие, русский народ стоит перед необходимостью солидаризироваться и выступить войной против Запада.

Despite the Russian state's declared belief that it faces a crisis fomented by the West, there is, objectively, no serious existential threat to the Russian Federation. Regardless, the war in Ukraine has been framed in existential terms by the Russian state in its messaging to the Russian public [Russia's assault on Ukraine... www].

Автор фрагмента отмечает, что правительство России навязывает народу образ Запада как экзистенциальной угрозы (что не является действительностью). Как следствие, конфликт на Украине интерпретируется для масс как борьба за существование нации.

Indeed, Russian national ideologists have fetishized ideas linking Russian Orthodox Christianity and nuclear weapons. Russia's nuclear weapons and Russian Orthodoxy are the "sword and shield"—the so-called atomic Orthodoxy—against the chaos, or the Antichrist, which these ideologists identify as the U.S. and NATO. The sword and the shield are also the symbols of Putin's old KGB and now his FSB» [Russia's assault on Ukraine... www].

В приведенном контексте образы Русской православной церкви и ядерного потенциала России представлены как идеологемы, смешивающиеся в целях формирования у масс соответствующего образа мышления. Для изображения сути этой идеологии автор прибегает к метафорам. Через социоморфную метафору «*atomic Orthodoxy*» автор заявляет об особой ценностной системе. В рамках этой системы особо значимы вера и ядерное оружие: они выступают опорой в судьбоносной битве, что показано через артефактную метафору «*sword and shield*».

Характер самого противостояния раскрывается через религиозные образы «chaos» и «Antichrist» — благодаря этим образам автор пытается объяснить, как трактуются США и НАТО российской идеологией.

Также автор подмечает, что щит и меч являются символами российских спецслужб. Таким образом эксперт пытается выстроить взаимосвязь между отношением верховного лидера к силовым структурам и его ролью в формировании военной идеологии.

The Russian President is a student of history. He knows Russian history inside out, but he also has his very own version of history. The Kremlin and Putin have long deployed Russia values and Russian history as weapons in their conduct of information warfare, especially when it comes to Ukraine. For Putin, every aspect of the Ukraine conflict has been made personal [Russia's assault on Ukraine... www].

Посредством социоморфной метафоры «a student of history» подчеркивается интерес В. Путина к истории, однако далее формируется контраст — «he also has his very own version of history». Президент России задействует национальную память и ценности как оружие в информационной войне, в частности, в ходе конфликта на Украине. Более того, конфликт с Украиной стал для российского президента личным делом.

Обнаруженные фрагменты позволяют судить о том, что в дискурсе американских *think tanks* на данный момент имеет место присвоение России черт милитаристского государства. Равно как многие СМИ, американские *мозговые центры* склонны изображать РФ как страну с авторитарной властью, готовую к агрессии против других международных акторов. Учитывая влияние *think tanks* на национальную повестку США, данная тенденция может быть маркером долгосрочного кризиса в отношениях с Россией.

ИСТОЧНИКИ

1. Милитаризм // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. — URL: <https://bigenc.ru/c/militarizm-f7dc6e/?v=5622578> (дата обращения: 10.02.2024). — Текст : электронный.
2. Bledsoe, E. What is a Military State? All You Need to Know! / E. Bledsoe. — Text : electronic // The Soldiers Project. — URL: <https://www.thesoldiersproject.org/military-state/> (date of access: 22.04.2024).
3. Britannica Dictionary definition of MILITARISM // The Britannica Dictionary. — URL: <https://www.britannica.com/dictionary/militarism> (date of access: 10.02.2024). — Text : electronic.
4. How the United States Can Support Ukraine Without Compromising Deterrence in the Indo-Pacific // The Heritage Foundation. — URL: <https://www.heritage.org/defense/report/how-the-united-states-can-support-ukraine-without-compromising-deterrence-the-indo> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

5. How Think Tanks Became Engines of Royal Propaganda // TABLET. — URL: <https://www.tabletmag.com/sections/history/articles/think-tanks-jacob-soll-propaganda> (date of access: 19.03.2024). — Text : electronic.

6. Is Diplomacy Between Russia and the West Still Possible? // Council on Foreign Relations. — URL: <https://www.cfr.org/article/diplomacy-between-russia-and-west-still-possible> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

7. It Should Not Have Been a Surprise: The Threat from Putin's Russia // RAND Corporation. — URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2023/08/it-should-not-have-been-a-surprise-the-threat-from.html> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

8. Jenkis, S. Putin is a dictator and a tyrant, but other forces also sustain him — and the west needs to understand them / S. Jenkis. — Text : electronic // The Guardian. — URL: <https://slate.com/news-and-politics/2022/03/putin-russia-totalitarianism-soviet-style-oppression.html> (date of access: 20.04.2023).

9. Judah, B. How Putin Plunged Russia Toward Totalitarianism / B. Judah. — Text : electronic // Slate. — URL: <https://slate.com/news-and-politics/2022/03/putin-russia-totalitarianism-soviet-style-oppression.html> (date of access: 20.04.2023).

10. Latinyna, Y. Russia Isn't a Military State. It's a Delusional One / Y. Latinyna. — Text : electronic // The Wall Street Journal. — URL: <https://www.wsj.com/articles/russia-isnt-a-military-state-its-a-delusional-one-putin-ukraine-war-propaganda-military-nuclear-outdated-11651420669> (date of access: 20.04.2024).

11. Mandate for Leadership Series // Heritage.org. — URL: <https://www.heritage.org/mandate> (date of access: 15.03.2024). — Text : electronic.

12. Militarism // The American Heritage Dictionary of the English Language. — URL: <https://ahdictionary.com/word/search.html?q=militarism> (date of access: 10.02.2024). — Text : electronic.

13. Remarks by President Biden on Russia's Unprovoked and Unjustified Attack on Ukraine // The White House. — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/24/remarks-by-president-biden-on-russias-unprovoked-and-unjustified-attack-on-ukraine/> (date of access: 10.07.2023). — Text : electronic.

14. Russia's assault on Ukraine and the international order: Assessing and bolstering the Western response // The Brookings Institution. — URL: <https://www.brookings.edu/articles/russias-assault-on-ukraine-and-the-international-order-assessing-and-bolstering-the-western-response/> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

15. Russian Military Forecasting and Analysis // RAND Corporation. — URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA2081-1.html> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

16. Russian mutiny further polarizes American public support for Ukraine // The Brookings Institution. — URL: <https://www.brookings.edu/articles/russian-mutiny-further-polarizes-american-public-support-for-ukraine/> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

17. The U.S. and Its Allies Must Understand and Respond to Russia's Nuclear Threats // The Heritage Foundation. — URL: <https://www.heritage.org/defense/report/the-us-and-its-allies-must-understand-and-respond-russias-nuclear-threats> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

18. Think Tank // Britannica. — URL: <https://www.britannica.com/topic/think-tank> (date of access: 04.09.2023). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / Н. Н. Болдырев. — 4-е изд., испр. и доп. — Тамбов : ТГУ им. Г. П. Державина, 2014. — 236 с. — Текст : непосредственный.
2. Братерский, А. В. Роль экспертного сообщества в украинской политике США (1990–2010-е годы) / А. Братерский. — Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — № 3. — С. 84–93.
3. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 352 с. — Текст : непосредственный.
4. Будаев, Э. В. Метафорический образ России в современном мире / Э. В. Будаев ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2009. — 276 с. — Текст : непосредственный.

5. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика : учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : УрГПУ, 2011. — 252 с. — Текст : непосредственный.

6. Выходец, Р. С. Роль «мозговых центров» в формировании внешней политики США в период администрации Дональда Трампа: новые тенденции / Р. С. Выходец, М. С. Тарасова. — Текст : непосредственный // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. — 2018. — № 2 (39). — С. 59–66.

7. Диксон, П. Фабрики мысли / П. Диксон. — Москва : АСТ, 2004. — 505 с. — Текст : непосредственный.

8. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — 296 с. — Текст : непосредственный.

9. Сегал, Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование / Н. А. Сегал. — Москва : Флинта, 2017. — 248 с. — Текст : непосредственный.

10. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2016. — 308 с. — Текст : непосредственный.

11. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.

12. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

13. McGann, J. The Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy, and Governance. — 1st edition. — Brookings Institution Press, 2016. — 240 p. — Text : unmediated.

14. Medvetz, T. Think tanks in America / T. Medvetz. — Tetr: electronic // Internet Archive. — URL: <https://archive.org/details/thinktanksinamer000medv/page/n7/mode/2up> (date of access: 05.07.2023).

15. Medvetz, T. Think Tanks as an Emergent Field / T. Medvetz. — New York : Social Science Research Council, 2008. — 10 p. — Text : unmediated.

16. Stone, D. Capturing the Political Imagination: Think Tanks and the Policy Process / D. Stone. — Routledge, 2013. — 344 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. The Great Russian Encyclopedia (n.d.). *Militarism*. The Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal. Retrieved Feb. 10, 2024, from <https://bigenc.ru/c/militarizm-f7dc6e/?v=5622578> (In Russ.)

2. Bledsoe, E. (n.d.). What is a Military State? All You Need to Know! *The Soldiers Project*. Retrieved Apr. 22, 2024, from <https://www.thesoldiersproject.org/military-state/>

3. Britannica Dictionary definition of MILITARISM (n.d.). *The Britannica Dictionary*. Retrieved Feb. 10, 2024, from <https://www.britannica.com/dictionary/militarism>

4. The Heritage Fou (n.d.). *How the United States Can Support Ukraine Without Compromising Deterrence in the Indo-Pacific*. Retrieved March 13, 2024, from <https://www.heritage.org/defense/report/how-the-united-states-can-support-ukraine-without-compromising-deterrence-the-indo>

5. TABLET (n.d.). *How Think Tanks Became Engines of Royal Propaganda*. Retrieved March 19, 2024, from <https://www.tabletmag.com/sections/history/articles/think-tanks-jacob-soll-propaganda>

6. Council on Foreign Relations (n.d.). *Is Diplomacy Between Russia and the West Still Possible?* Retrieved March 13, 2024, from <https://www.cfr.org/article/diplomacy-between-russia-and-west-still-possible>

7. RAND Corporation (n.d.). *It Should Not Have Been a Surprise: The Threat from Putin's Russia* Retrieved March 13, 2024, from <https://www.rand.org/pubs/commentary/2023/08/it-should-not-have-been-a-surprise-the-threat-from.html>

8. Jenkis, S. (n.d.). Putin is a dictator and a tyrant, but other forces also sustain him — and the west needs to understand them. *The Guardian*. Retrieved Apr. 20, 2024, from <https://slate.com/news-and-politics/2022/03/putin-russia-totalitarianism-soviet-style-oppression.html>

9. Judah, B. (n.d.). How Putin Plunged Russia Toward Totalitarianism. *Slate*. Retrieved Sept. 14, 2023, from <https://slate.com/>

news-and-politics/2022/03/putin-russia-totalitarianism-soviet-style-oppression.html

10. Latynina, Y. (n.d.). Russia Isn't a Military State. It's a Delusional One. *The Wall Street Journal*. Retrieved Apr. 20, 2024, from <https://www.wsj.com/articles/russia-isnt-a-military-state-its-a-delusional-one-putin-ukraine-war-propaganda-military-nuclear-outdated-11651420669>

11. *Mandate for Leadership Series* (n.d.). *Heritage.org*. Retrieved March 15, 2024, from <https://www.heritage.org/mandate>

12. Militarism (n.d.). *The American Heritage Dictionary of the English Language*. Retrieved Feb. 10, 2024, from <https://ahdictionary.com/word/search.html?q=militarism>

13. The White House (n.d.). *Remarks by President Biden on Russia's Unprovoked and Unjustified Attack on Ukraine*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/24/remarks-by-president-biden-on-russia-unprovoked-and-unjustified-attack-on-ukraine/>

14. The Brookings Institution (n.d.). *Russia's assault on Ukraine and the international order: Assessing and bolstering the Western response*. Retrieved March 13, 2024, from <https://www.brookings.edu/articles/russias-assault-on-ukraine-and-the-international-order-assessing-and-bolstering-the-western-response/>

15. RAND Corporation (n.d.). *Russian Military Forecasting and Analysis*. Retrieved March 13, 2024, from <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA2081-1.html>

16. The Brookings Institution (n.d.). *Russian mutiny further polarizes American public support for Ukraine*. Retrieved March 13, 2024, from <https://www.brookings.edu/articles/russian-mutiny-further-polarizes-american-public-support-for-ukraine/>

17. The Heritage Foundation (n.d.). *The U.S. and Its Allies Must Understand and Respond to Russia's Nuclear Threats*. Retrieved March 13, 2024, from <https://www.heritage.org/defense/report/the-us-and-its-allies-must-understand-and-respond-russias-nuclear-threats>

18. Think Tank (n.d.). *Britannica*. Retrieved Sept. 4, 2023, from <https://www.britannica.com/topic/think-tank>

REFERENCES

1. Boldyrev, N.N. (2014). *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics] [Textbook] (4th ed., correct. and add.). Tambov: TGU im. G. R. Derzhavina, 236 p. (In Russ.)

2. Braterskiy, A.V. (2017). Rol' ekspertnogo soobshchestva v ukrainской politike SShA (1990–2010-e gody) [The Role of the Expert Community in the Ukrainian Policy of the USA (1990–2010s)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 3, 84–93. (In Russ.)

3. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2008). *Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika* [Foreign Political Linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 352 p. (In Russ.)

4. Budaev, E.V. (2009). *Metaforicheskiy obraz Rossii v sovremennom mire* [Metaphorical image of Russia in the modern world]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 276 p. (In Russ.)

5. Budaev, E.V., Voroshilova, M.B., Dzyuba, E.V., Krasilnikova, N.A., & Chudinov, A.P. (2011). *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern political linguistics] [Textbook]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 252 p. (In Russ.)

6. Vykhodets, R.S., & Tarasova, M.S. (2018). Rol' «mozgovykh tsentrov» v formirovaniі vneshney politiki SShA v period administratsii Donal'da Trampa: novye tendentsii [The role of "think tanks" in shaping US foreign policy during the Donald Trump administration: new trends]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva*, 2(39), 59–66. (In Russ.)

7. Dikson, P. (2004). *Fabriki mysli* [Think tanks]. Moscow: AST, 505 p. (In Russ.)

8. Maslova, V.A. (2004). *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 296 p. (In Russ.)

9. Segal, N.A. (2017). *Politicheskiiy tekst: metaforicheskoe modelirovanie* [Political text: metaphorical modeling]. Moscow: Flinta, 248 p. (In Russ.)

10. Chudinov, A.P., Budaev, E.V., & Dzyuba, E.V. (2016). *Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta* [Theory and Methods of Linguistic Analysis of Political Text]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 308 p. (In Russ.)

11. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics] [Textbook]. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)
12. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. (In Russ.)
13. McGann, J. (2016). *The Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy, and Governance* (1st edition). Brookings Institution Press, 240 p.
14. Medvetz, T. (n.d.). *Think tanks in America* / T. Medvetz. — Tetx: electronic // Internet Archive. — URL: <https://archive.org/details/thinktanksinamer000medv/page/n7/mode/2up> (date of access: 05.07.2023).
15. Medvetz, T. (2008). *Think Tanks as an Emergent Field*. New York: Social Science Research Council, 10 p.
16. Stone, D. (2013). *Capturing the Political Imagination: Think Tanks and the Policy Process*. Routledge, 344 p.